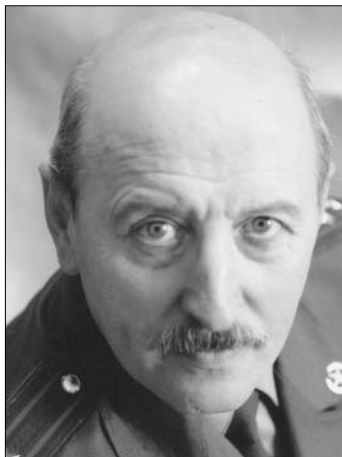

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

БЕСЧИСЛЕННЫХ ЗАВЕТОВ НЕОБРАТИМЫЙ СЛЕД

* * *

Товарищ мой идёт походкой деревянной,
цветёт на голове заношенный берет.
Он — ветеран войны,
войны довольно странной:
что на слуху у всех,
а будто бы и нет.

Я знаю наизусть рассказ его печальный:
как разметал фугас у Грозного “КамАЗ”;
как рот он затыкал подушкой госпитальной,
чтоб не пугать сестёр, почуяв судный час;

как складывал хирург его по сантиметру,
выплёвывала сталь израненная плоть,
был подвигу сродни любой поход до ветру...
супец не расплескать... стакан не расколоть...

Пусть многословен он, я наберусь терпенья,
уж коль своих сынов не слушает страна.

АРТЮХОВ Евгений Анатольевич родился в подмосковном городе Реутово. Окончил Саратовское высшее военное командное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. В “Нашем современнике” печатается с 1994 года. Автор нескольких стихотворных книг.

До них ли ей, когда в “болотных испареньях”
почти что не видна чеченская война.

А он её простил за нрав непостоянный,
простил бы и за кровь таких же простофиль,
да только что ни ночь киномеханик пьяный
гоняет вместо сна один и тот же фильм.

В нём дом родной зажат Кавказскими хребтами,
и дымом и огнём накрыты блок-посты...
Он памятью своей всю ночь бредёт с цветами,
а там, куда ни глянь, — кресты, кресты, кресты.

МУЗЫКА

У изразцовой печки
досталинских времён
я кашу ел из сечки
и слушал патефон.

Пластиночка кружится,
иглочка скребёт.
Русланова-певица
про валенки поёт.

У тётки на Покровке
жизнь трудная тиха.
В двенадцатиметровке
акустика плоха.

Сам Николай-угодник
хранит покой и сон,
пока на подоконник
не встанет патефон.

А я точил иголки,
накручивал завод,
и тишины осколки
царапали мне рот.

— Ты пой, а не рисуйся!
— Ты с песней не шути!
— С пластинкой не балуйся!
— Пружину не скрути!

Прощай, Страна Советов
и музыка тех лет,
бесчисленных заветов
необратимый след.

Пластиночка, бороздки
не толще волоска.
Шульженко отголоски,
Утёсова тоска...

ВЕРА

Когда в крошечной тьме запутана дорога,
немотствует простор — зови иль не зови,
отчаянье гони, и ты услышишь Бога
и разглядишь огонь негаснущей любви.

Житейские моря не станут по колено,
не сгладятся углы, не сдуются ветра,
но женщину свою узнаешь непременно,
что ближе и родней родимого ребра.

Не каждый в этот мир является в сорочке,
читает, что ему назначено судьбой.
Но если ночь тепла в глазах у старшей дочери,
у младшей вспыхнет свет
рассветно-голубой.

И ты увидишь мир, увы, не на параде,
и будет ни строки в нём изменить нельзя.
Но хлеба даст тебе, твои вихры пригладит
знакомая ладонь
с отметиной гвоздя.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Всего и минуло лет сорок,
как он покинул белый свет, —
эпохи сталинской осколок,
советской выучки поэт.

Я не знал его живого,
но ясно вижу из стиха,
что крепок был, как крепко слово,
и плотно сложен, как строка.

Продукт рабочего закваса,
всю жизнь свою считал за честь
служить трудящемуся классу
и за него из кожи лезть.

Он строго следовал завету
быть злободневнее других,
и возглавлял в Москве поэтов
по праву лучшего из них.

А пролетарские скрижали
горячей веры и письма
ни разу не поколебали
ни плен, ни лагерь, ни тюрьма...

“Он позабыт”, — сказать не смею.
Сказать: “Он с нами”, — тоже ложь.
С рабочей правдою своею
сейчас не больно проживёшь.

И лишь в гитарных переборах
ещё мне слышится подчас,

что не больничным коридором
он удаляется от нас.

Что Млечного Пути раздолье
расцвечивает, как всегда,
поставленная в изголовье
его кремлёвская звезда.

И что забвения не будет:
талант проглянет всё равно,
ведь распахнут когда-то люди
туманом скрытое окно.